

МЕЛОДИЯ

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

АНА ГРАТЕСС

12+

Ана Гратесс

Мелодия в беспредельное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67588622

SelfPub; 2022

Аннотация

Любимый пишет экспериментальную музыку, и мы часто слушаем ее вместе, обсуждая ходы и гармонические дорожки. Однажды ваятель снова предлагает заценить новый трек, и мы слушаем. Мы внимаем экспрессии с абстракцией, а из возникающих звуков космоса выныривает абсурдный Куб, чьи темные грани ввергают нас в безумное путешествие. Которое приводит к видению фантастических картин.

Ана Гратесс

Мелодия в беспредельное

Мой парень любит писать музыку на бумаге, на планшетах электронных. Он любит писать музыки множество. Любит он тусить за компом и писать музыку в программах. Слюноотделение такое большое, что кажется, что скоро все пойдет кверху.

– Я пишу музыку для того, чтобы получать кайф! Чтобы набивать скиллы, а потом чтобы, возможно, стать известным. Получить популярность.

А я его спрашиваю:

– Первое и второе понятно, а популярность тебе зачем, чудушка?

Голова окунулась в салат оливье. Он решил соскочить с вопроса. Представляешь, зритель, и вот так каждый раз, когда вопросец летит ему в уши, он их затыкает невидимой материей салата. Я же знаю, что он все прекрасно слышит, но делает вид, что ничего не произошло. Ладно. Не произошло это, значит произойдет по-другому.

Музыка лилась через края и краев ей было не видно. Звук детского плача накладывались на щелчки металлических запонок. Позвякивали обедные приборы. Свистящие придыхания накладывались на позолоту от мочевого пузыря. Его тонкие и упругие стенки хорошо натягивались на крошеч-

ные барабаны. Делалась музыка красивыми психоделическими пассажами.

Наши отношения с музыкантом развивались как нельзя лучше. Виделись мы довольно часто, но каждый из нас находился в своем коконе из художественного занятия. Кто-то выуживал из восприятия хлопущки-хохоталки, а кто-то прочерчивал пустоты символы на пустоту из нулей и единиц.

Дергались руки в конвульсиях подобно веточкам полыни. Ее длинные ногти впивались нам в тонкие и жирные бока, а музыкальные дорожки раскрашивались в отменные красные оттенки. Среди них был придушенный крик, переключенный через реверс и звездные бубенцы. Мне тогда подумалось, что мы ваятели более безумные, чем вся белая палата вместе взятая. Но все кажимость, субъективщина...

– Милая моя, – обратился ко мне мой любимый. – На ска-терти из желтого кенгуру стоит банка с вишневым варением. Возьми ее и принеси мне, пожалуйста. Тут слишком заняты ветров розы, не отпускают.

И принесла я ему сладость, а тот пустил его на свои скрипящие гением дорожки. Делался новый трек, который мой парень хотел отослать на лейбл, чтобы заценили и совершили лимитную операцию по смене пола.

Наверно, нам бы всем из своих захудалых мешков бы выйти, хоть на время.

Думалось делалось недумалось все равно делалось. А если оно совершается лучше и краше, когда не думается, зачем

тогда включать голову по пробуждении? Остаться бы лучше в той склизкой дреме и лопатить дальше фантастических сознания вертунов. Все все-равно накладывается на бумаги, на электронные носители, на мнимую пустоту из пустоты.

Ты знал, зритель, что материя и все что в ней совершается – все это записывается на колесики громадных магнитных лент? Мне так вожак собачий рассказал. Что мы мол все пережеванные и переклеванные изо рта в отверстие другое, и так оно движется, куда внутренний бог не скажет: достаточно. Тогда, наверно, начинается действительно сияющее бытие, или пустота с громадными плюсовыми и минусовыми свойствами.

– Представляешь, Онь, я написал новый космический трек! – С жаром возвестила вторая половина.

А мне почему-то зналось, что не космоса там щепоть, а копоть куриной требухи. Но послушать все же надо было. Да почему «надо» то? Я хочу послушать!

– Включай свой шедевр, давай вместе заценим!

Нажались нужные кнопки, а вместо звука в пространстве начал вырастать куб, и он разрастался и множились его стенки, куда длилась МЕЛОДИЯ.

Черным было здание и в нем были окна и двери непонятного вида. Как вообще из чего-то такого можно наблюдать. Изнутри вовне? А мы пока что во вне, но внутренности нам закрыты. Только эти проклятые грани, стенки этого черного мегалита.

Они развертывались из музыкальной гармонике, что колонка нещадно вталкивала ее нам в воспринимающие аппараты. Подумалось, а что если закрыть глаза и уши заткнуть, исчезнет ли эта громадина из поля зрения, растворится ли в пустоте? Но меня, словно бы прочитав мои мысли, остановил парень, на котором и лица то теперь не было, а вместо него зияла пробоина в некое призрачное бордо.

«Тибетская книги мертвых» – название бестии просочилось в сознание. А я его затоптала в зародыше. Не нужны мне видения потусторонних монашеских бредней! Я хочу понять то, что мне представляется.

Черные грани теперь засасывали в себя, а я не могла ничего с этим поделать. Беззвучная музыка делала свое космическое дело. Шедевр паренька превращался в зыбучий песок, ведущий не иначе как в ад или его подобие.

Пространство показывало фиги, крутилось перед взором как проститутка, подавая себя словно было соделано из чистого золотого света. А на деле получалось так, что миазмы Куба превращали все предметы в горячий и морозный студень. Смешно он колыхался в безветренных пластах мироздания. Мне довелось видеть, как одна желешка упала прямо под мои ноги и тут же разбрелась по всем сторонам света, превратившись в пар.

Дым. Туман. Бессчетные вращения галактического рукава, где мы, предположительно, находимся. Точнее, смеем находиться.

– Это странствие в беспредельное, я вам говорю это как П.

– Как пердун? – Предположили мои охапки кофейных кружек.

– Нет. Как большой П. Просто П. Можешь представить?

– Могу представить такую простоту. А ты смогло бы представить, П, что нас всех расколело на миллиарды частей и теперь мы подмываемся черными гранями громадного Куба, осознавая лишь на миг, на короткий миг, что когда-то этих чертовских стенок не было, а был обычный мир?

Но тут возникла сирена и довольно громкая. Пронзительно противная. Загорелись красные огни. Открылись какие-то бесовские заслонки из крест-накрест железняка. Через них просачивались просветы звездного вещества.

Механический голос ничего возвестил:

– Мы добавим вас в Зону под номером 3. Ожидайте.

Бред. Не нужны мне никакие добавки, долбанная тварь.

– Отвечай, ты, П! – Вскричала я в раздражении. Тут все действовало на нервы.

– Не мог представить того, о чем ты вещаешь, но я знаю, что твой парень теперь в тебе. Вы стали одним сознанием в тот момент, когда вы взошли на Куб.

– Это его музыка. Мы в его музыке находимся. Не иначе он открыл портал в ад, этот светловолосый добрый монстр.

Я упала на черные стенки, а те зашевелились, словно были не из плотного вещества, а состояли из звуковых вибраций. А ведь так и было. Зачем мы тут? «Давай заценим новый

трек». Ну что ж, зацениваем, как видишь!

А сирена снова обозначила свой рев и теперь Зона под номером 3 открывала свои двери. Я и П входили плавно. Нас оведали невозможные кубические захвостки. Под их напором мы скукоживались, собираясь в кучки живого субстрата. Сознательного субстрата!

Мы не слышали звуки музыки, но она была всюду. Это внушало какие-то тайные знаки или ощущения новизны свежего восхода солнца. А здесь витали странные звездные сочетания. Мы не были на Земле в том привычном ее виде, к которому успели прирасти. Теперь она пришла к нам в виде Куба, в котором перец и молоко взрываются жидкими бомбами.

– Когда я вернусь, мы с моим парнем снова разъединимся?

– Может и так. А может произойти такое, что ты и не вернешься. А значит не вернется и твоя половина. Ничего не вернется назад. Здесь движение возможно только вперед. Ибо время, понимаешь...

– Понимаю, П, пониманию я научена. Странно то, что я не ощущаю в себе половины. Я ощущаю себя как обычно, почти.

– Ибо и ранее вы были очень слитными, но оставался последний шажок.

– И он произошел, когда мелодия взыграла через динамики.

– Точно. Он происходит. Великолепно же это!

Огляделись мои тела. И правда красиво. Только вот все еще странно и жутко было смотреть на изувеченные черные грани, которые складывались и раскладывались в фигуры, не поддающиеся опознаванию.

На границах видимых форм вращалась всенабирающая скорость махина, которую я бы назвала Татата. Громада двери отворилась. Нас стало засасывать в Зону номер 3. Я и П были рядом друг с другом. Оставалось только лишь протянуть руку, чтобы можно было посмотреть глаза в глаза.

Всенабирающая скорость Татата сделала прекрасный и длинный бальный пируэт. Мы превращались в зыбкие ниточки животной крови, вокруг которых были нанизаны железные материи.

Наши нервы шептали нам, что скоро настанет «пора». Мы были довольны этим. Когда-то же музыка должна закончиться. Дверь распахнулась подобно звездному цветку. Наши сущности размазывались по черным граням.

Мы мы мы мы мы мы мы мы – бесконечно богатые бумажники. Короли и Королевы с драгоценными металлом коронами. Х-аа-хахах-аххах-ах!

– Абсолютное безумие, эта ваша мелодия.

– Мелодия в беспредельность. Так когда-то звали какую-то часть меня.

– Вы бесподобны в своем гармоничном танце.

– Спасибо!

Крышка свинтилась с ободка стеклянной банки. Звуковые колебания пришпандоривались прямо к волосяным луковичкам. Собиралось делаться салатное чудо. Лук для него, видите ли, нужен. А мы бы и без луковичек справились! Но Зоне под номером 3 – виднее.

Ей все виднее. И мыло для нее не просто помывочный обиход, а сладость и соленостью высшего сорта. Все невидимые обитатели данной местности в больших количествах поедали мыльную щелочь. А наши тела громко фыркали и сморкались, наблюдая такое. Непотребство.

Мне пришло в голову что эта Зона под номером 3 была ничем иным как музыкальной шкатулкой, но в какой-то абсолютно чудовищной искаженной форме. Билась холодная дрожь где-то под коленками, а с носов капали горячие источники, пахнувшие серой и лимоном.

Неслышимые звуки брили здешние облачные небеса подобно электрической машинке. Мне стало смешно от никудышного сравнения, и я рассказала об этом П. Тот смеяться не стал, но одобрительно похлопал меня по плечу. Точнее нас.

– Что нам тут делать-то нужно?

– Наверняка требуется отыскать нечто красивое и мелодичное, надобное здешней гармонике.

– А ведь парнишка в тебе. Его бы спросить, чего это он намутил такого, что нас сюда забросило так внезапно и скоро, так неожиданно и размахисто. Того и гляди, сошли бы с

ума, если бы не одно громкое Но.

– Мы не так уж долго слиты. Нам бы время, чтобы пообвыкнуться. Тогда и вопрос сам собой растворится в черных пустотностях. Тут их много.

– Много настолько, насколько хватает глазниц.

Татата гундела рядом. Нечто похожим на беспорядочные звуки сломанных колокольчиков. Деревянные эти звуки проходились нам по хребтам, вводя нас в трансовые состояния. От чего поиск «чего-то такого» затягивался неправильными узлами на наших трехступенчатых ракетах. Ноги шаркали по блеклой давно остывшей зелени. Весна тут затяжная, плавно переходящая в сонливую зиму.

Музыкальная шкатулка превращалась в тварь, но не дрожащую, а с гордо поднятой мохнатой лапой. Мы с П пожали эту руку, а она схватилась за нас и не отпускает, хотя Выход уже блестел перед нашими восприятиями.

– Мне бы живого соку вашего испить, уважаемые. Добрый день! – Гнусавила шкатулка, а мы обливались яблочными струйками.

Наверно его и хотелось испить бестии. Мы поднесли свои сочащиеся материи к музыкальности, а та жадно хватала ручки наши и пила пила пила, умывалась этим нектаром. А мы делались чашками и стульями. Видели, как черные грани вертелись в воздухе наподобие сахарного волчка. Смешно становилось до колик в животах.

П не выдержал первым. Его разорвал смех, а стеклянное

присутствие добило сущность окончательной точкой. Жесть и дивный смрад. Я и все мои половины отцепились от шка-тулки и принялись бежать что есть мочи. К двери, к выходу из удилица абсурда.

Так мы поняли, что Прочь действует на нервы не только живым, сознательным сосудам, но и абстрактным понятиям различных мысленных версий.

Вот взять, к примеру, музыку. У нее ведь нет живого тела, а только колебательные движения в нужной воздушной среде. В космосе, например, музыку было бы не слышно. Ни варгана, ни барабана. Там вездесущий сумрак и тишина. Хорошо, да?

О чем это я...

Вот о чем: выбраться удалось медленными верными и предельно аккуратными шажками. Влево три с половиной, вправо шесть с небольшим. Музыкальная шкатулка захлопнулась, а вместе с ней и Куб со своими бесконечно черными безумными гранями.

Стало легчать. Неслышимые звуки опускались в недра сердечной памяти. Все становилось проще и свет образовывал на сетчатке глаз причудливые узоры некоего цветочного орнамента. Я закрыла глаза.

Открыла тогда, когда почувствовала на своих волосах чье-то прикосновение. Это был мой любимый. Он улыбался доброй и нежной улыбкой. Его рука все гладила меня, а тела наши становились все ближе. Тут мне стало понятно, что гар-

мония только начиналась, а та мелодия была преддверием в новый чувственный мир.

– Ты не представляешь, что мне довелось ощутить, когда дал послушать свою музыку. – Обратилась я к милому.

Тот лукаво улыбнулся и придвинулся еще ближе.

– Как же это. Представляю очень хорошо. То, что пришло к тебе – пришло и ко мне. Я все видел, красотка.

И подмигнули глазки. Теплое летнее солнце засверкало через панорамные окна. Блеск и красота. Комната в миг наполнилась чарующими звуками смеха. Мы снова стали слитыми.

Слитками золота и серебра. Абсурда Куб крошился на наших зубах.